

БЕГ

ГАЛИЯ АРЖУХАНОВА
Родилась в г. Мингечауре
в 1981 году. Нандидат физио-
математических наук. Нивет
и работает в Перми.

Матиас летел вдоль шоссе, до упора выжимая педаль газа. Солнце приближалось к зениту, кожаные сиденья нагрелись, и в салоне стояла невыносимая духота. Матиас опустил окна, и его тут же накрыло тяжелым жарким ароматом лаванды с поля. Дужки новых очков давили на виски, отчего в висках стучало и мысли вязкой нефтью растекались по краю сознания, и никак было не ухватиться ни за одну из них. Матиас покосился на раздражающую оранжевую лампочку на приборной панели – как бы не помер Пегас прямо посреди поля. Не надо было брать подержанное, вспомнился ему упрек жены, баракло одно. Только кто-кто, а Пегас – не баракло.

Руки липли к рулю. Вот-вот должен был показаться залив, его спасительная прохладная гладь, спокойная, как вся его жизнь до встречи с Ланой. Съемная студия над кофейней, по утрам двойной эспрессо, день в офисе, пара часов перед сном – в компании с остывшими варениками из близлежащего сетевого магазинчика.

А залива все не было. У отворота на поселок Матиас съехал на обочину. Гравий под колесами заскрежетал, Пегас дернулся и заглох. Сейчас еще гром грянет, подумал Матиас, выходя из машины. Руки потянулись ослабить ворот рубашки, но наткнулись на растянутый воротник старой, затасканной до дыр футболки. Точно, испачкан-

ную рубашку он снял и засунул в багажник, на самое дно корзины со всяким бараклом, не разобранным еще с прошлой поездки. Это хорошо, молодец.

Как же так все в этот день завертелось. Сначала запнулся мизинцем за ножку стула, за завтраком капнул кетчупом на любимую голубую рубашку, а когда спохватился о встрече с партнером по сделке, понял, что опоздал, и вот он уже прямо посреди гостиной, которую они с Ланой месяц красили в салатный, да так и не докрасили, орет, что и ребенка он не хочет, и в деревню она его никаким навороженным трактором не заманит, и женился он, в общем-то, из удобства. И то, что ей его работа не нравится, – не его проблема. Высказался, оттолкнул ее, и вот – стоит теперь, согнувшись у капота, посреди поля.

И зачем ей понадобился этот ребенок, злился Матиас, пиная гравий. Плач, пеленки, каши, а ему опять холодные вареники из супермаркета. И без того забыл, когда в последний раз высыпался. Руки у Матиаса задрожали, сжались в кулаки.

Вдалеке над розовым лавандовым шлейфом виднелся поселок. В зыбком июльском воздухе строгие треугольники крыш расплывались, сползали к земле. Матиасу казалось, он где-то в лабиринте кривых зеркал, в плену чужих и собственных иллюзий и некуда бежать. С одной стороны бескрай-

Что-то неприятно засосало в груди. Адам всегда поет в душе, а сейчас тихо. Она торопливо открыла дверь в ванную, боясь и точно зная, что она там увидит. Точнее, не увидит. Пусто. Сквозь завесу горячего тумана Агнешка поняла, что Адама внутри нет.

нее поле, с другой – разбросанные домики. Пожухлые цветы, выцветшие занавески. Тоска и уныние...

За полчаса до этого Агнешка со смехом во рвалась в комнату. Нос приятно защекотал аромат сочной баранины, мускатного ореха и тмина. Агнешка оперлась о стену, зажмурилась. Здесь, вдали от всех, от шумной городской жизни, светлых подруг и напыщенных друзей, она была счастлива. Только она и Адам, и их маленький уютный домик.

– Адам! – окликнула она его. В ванной журчала вода. – Мясо горит.

Агнешка сняла сковороду с огня. Вышла в сад за свежими овощами к столу. Они с Адамом приехали сюда недавно – молодые и влюбленные. Тут же занялись цветником – раскинулись вокруг дома желтые чайные розы. Разбили небольшой огород, здесь Агнешка пропадала целыми днями, разговаривая то с майораном, то с мелиссой, перекидывалась парой фраз с курчавым мангольдом. Казалось, она наконец вернулась в родной дом, в котором не была много-много лет, но теперь уже никогда его не покинет.

Агнешка поставила на стол целый таз огурцов и свежей зелени. Вода в ванной по-прежнему стучала о плитку.

– Адам! Все стынет.

Что-то неприятно засосало в груди. Адам всегда поет в душе, а сейчас тихо. Она торопливо

открыла дверь в ванную, боясь и точно зная, что она там увидит. Точнее, не увидит. Пусто. Сквозь завесу горячего тумана Агнешка поняла, что Адама внутри нет.

А потом она бежала через лавандовое поле. Бежала, думая, выключила ли плиту. Бежала, откидывая назад свои седые пряди. Бежала, по привычке задрал подол платья. И увидела синюю «шкоду» Матиаса.

– Адам пропал! Помогите! Адам пропал!

– Женщина представилась?

В полицейском участке Матиаса проводили в небольшой светлый кабинет с потертым столом и парой деревянных стульев. Дежурного офицера, крепкого спортивного парня лет двадцати восьми, он прождал, все время поглядывая на часы, минут двадцать.

– Агнешка ее зовут. Фамилию не знаю. А мужа Адам.

– Агнешка, значит... Вы сказали, что встретили ее примерно в полдень, а сейчас уже два часа дня. Почему же сразу не приехали?

– На что это вы намекаете? Женщине нужна была помощь. Я обошел дом – никого. Внутри тоже. Там, конечно, шагу не ступить, везде рухлядь, горшки какие-то. Но, кроме Агнешки, никого нет. Погреб закрыт, замок на люке ржавый. Сто лет, видно, туда никто не лазал. Погреб я вскрывать не стал, сразу к вам.

– Проживаете по месту регистрации? – Офицер не торопясь записывал в толстую тетрадь паспортные данные. – Куда направляетесь? Да не волнуйтесь вы так, сейчас поедем.

– Машину надо починить, – смирился Матиас, вытирая липкие ладони о штаны. – Если получится, заночую сегодня где-нибудь, а утром домой.

– Вот и отлично. – Офицер захлопнул папку и откинулся на спинку стула. – А заночевать можете у Эльманов, дом на выезде, ярко-синий, как ваша машина. Он тут один такой, не промахнетесь.

Матиас сидел за рулем своего автомобиля, у того же перекрестка. В ночном воздухе висел аромат лаванды. Машины волосы тоже пахли лавандой. Матиас вспомнил, как в детстве бежал к ней, закрыв глаза, раскинув руки, и, счастливый, замирал в ее объятьях. Волосы щекотали ему нос и щеки. В ушах мерно отстукивало ритм машины сердце.

Надо ехать. Он включил фонарик и едва раскрыл карту – убедиться, что помнит дорогу к заливу, как услышал неподалеку тихий женский плач.

- Человек пропал... пропал.
- Когда у нее обострение, – рассказал ему позже дежурный офицер, прикручивая решетку радиатора, – она может так каждый день через поле бегать. Ставит сковороду на плиту, будто это он для нее обед готовит, включает воду в ванной, вроде как руки отошел помыть, а сама идет в сад за овощами. Потом ищет его везде. И так, говорят, уже лет двадцать. Все. – Он хлопнул по крышке капота. – Ездить будет!
- А куда он делся? – Матиас устало снял очки и протер футболкой.
- Кто?
- Муж ее, Адам?
- Да его и не было никогда. Одинокая учительница уехала из большого города в пригород, и чтобы никаких разлучниц-подруг, выпивох-друзей. Вот она себе Адама и выдумала. Живет с ним душа в душу, правда, периодически теряет. Поезжай домой, а за нее нечего переживать. У нее-то все хорошо.

В ушах по-прежнему стучало. Одна за другой в небе проявлялись и гасли звезды. Утреннее происшествие, которое Матиас весь день отгонял от себя, представало все в новых подробностях. Как же так. Вот он стоит в гостинной. Перепалка перерастает в ссору, и Матиасу хочется убежать, вырваться скорее на свежий воздух. Вот он отталкивает ее. Чтобы не стояла на пути, не мешала ему ходить, работать, жить, в конце концов. Но Лана не встает. Он приподнимает ей голову и прижимает к себе, отчего-то теплую и липкую, и темное пятно расплывается по его голубой рубашке...

Матиас сложил карту и выехал на дорогу. Запах лаванды по-прежнему тягучим облаком висел в воздухе. Матиас знал, что этот запах теперь будет преследовать его всегда. Куда бы он ни бежал, он никогда не сможет перейти это лавандовое поле.

